

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н. И. Толстой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 40. – № 5. – С. 397–405.
2. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 280 с.
3. Антонова, Е. Н. Паремология без границ : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимировна и др. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
4. Осокин, Г. М. На границѣ Монголии. Очерки и материалы къ этнографіи юго-западнаго Забайкалья съ рисунками / Г. М. Осокин. – СПб. : Типографія А. С. Суворина, 1906. – 304 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4-х т.]. – 8-е изд. – М. : Русский язык, 1981.
6. Киселева, И. В. Правый и левый в пословицах и приметах / И. В. Киселева // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 94–97.
7. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.

Abstract. The paper presents the regional paremiological fund of Eastern Siberia. The ethnographic material of G. M. Osokin “On the border of Mongolia” is presented as a source of research. This work contains unique proverbs obtained by sampling from contextual material. The analysis of proverbs showed that they became “witnesses” of the life of the population of the Trans-Baikal region in the conditions of the borderlands. The presented paremiological material reflects the specifics of the speech of the population, the dialect words that formed the ethnoculture of the region.

Keywords: ethnographic and lexicographic sources, regional linguistic material of Eastern Siberia, proverbs, a sign is a proverbs.

УДК 811’373:398.92:128

В. А. Маслова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ – «ДУША» ЛЮБОГО ЯЗЫКА, А В ЧЕМ «ДУША» ФРАЗЕОЛОГИЗМА?

Аннотация. В статье показано, что «душой», основой фразеологизма, на которой держится и культурная коннотация, и образ фразеологизма, и другие составляющие модели, предложенной В. Н. Телия, является квазисимвол. Выявление механизмов формирования образно-символьной составляющей поможет лучше понять когнитивную деятельность языковой личности.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, метафора, символ, квазисимвол.

Ответом на поставленный вопрос и будет намеченная актуальная область исследования фразеологии, работы по которой есть в России (В. Н. Телия, Г. В. Токарев и др.), но не известны в Белоруссии. Мы рассмотрим образ, метафору, символ и квазисимвол и их роль в формировании фразеологизма. Все названные сущности служат для выражения глубин нашего миропонимания и способны приоткрыть тайну механизмов создания знаний, закрепленных во фразеологическом составе языка. В. Н. Телия еще в конце прошлого века писала: «Система образов служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения» [1, с. 215]. Как видим, В. Н. Телия на первое место ставила образ фразеологизма, а метафора и символ у нее были средствами создания образности во фразеологии.

Так что же важнее: образ, метафора, символ или квазисимвол? Решив данный вопрос, мы выявим роль названных явлений в формировании фразеологических единиц, во-первых, и важный способ представления ментального мира человека, во-вторых.

Представляется, что начать разговор следует с анализа термина «символ». Ю. М. Лотман писал, что «слово “символ” одно из самых многозначных в системе се-

миотических наук» [2, с. 21]. А. Ф. Лосев отмечал: «Понятие символа и в литературе и в искусстве является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых понятий» [3, с. 82]. Хотя исследование символа идет из Античности, к нему обращались и средневековые схоласты; далее идет направление символизма в искусстве, психологическая парадигма символа-архетипа К.-Г. Юнга, «мифологическая парадигма» Мирчи Элиаде и Рене Генона.

Наряду с основным термином «символ» в гуманитарных науках широко используются «парасимвол» и «квазисимвол». Так, еще О. Шпенглер предложил термин «парасимвол» для представления культуры в пространственной протяженности. Если египетская душа видит себя идущей по предначертанному пути, то ее парасимвол – дорога; парасимвол арабской культуры – мир-пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола (первое купольное сооружение – Пантеон в Риме – построено архитектором-сирийцем); парасимвол русской культуры – бесконечная равнина. Вероятно, поэтому даже время (век человеческий) у русских представляется пространством: *Жизнь прожить – не поле перейти*.

Символ лежит в основе самой лингвокультурологической концепции В. Н. Телия о «живодействующей» взаимосвязи языка и культуры, ее важнейшими понятиями являются «*Homo symbolicus*» («человек символический»), «культура как символическая Вселенная», «символ», «квазисимвол». Она писала: «Установки культуры, обретая ту или иную знаковую форму, образуют... символическую вселенную, в которой человек и осуществляет свою жизнедеятельность» [4, с. 18].

Не рассматривая специально вопрос о природе и значении символа, В. Н. Телия предлагает термин «квазисимвол»; в отличие от символа в традиционном его понимании, где носителем символической функции выступает предмет, артефакт, здесь «материальным экспонентом» замещения идеи является не реалья как таковая, а имя реалии [1, с. 243]. Выражение «символическая Вселенная» в метаязыке В. Н. Телия, равно как и понятие «*Homo symbolicus*», восходит к философии символических форм Э. Кассирера, лежащей в основе его философии культуры. Согласно учению Кассирера, человек, в отличие от обитателей животного мира, существует «не просто в более широкой реальности», но «живет как бы в новом измерении реальности», воспринимая реальность через посредство символов [5, с. 471]. Другими словами, человек обитает в «символическом универсуме».

Думается, что лучше всего для описания фразеологического фонда подходит термин *квазисимвол*, потому что во фразеологизме мы наблюдаем вторичную номинацию.

Бесспорно, важен во фразеологии и образ, и метафора, которая, играя смыслами, создает образ, отражающий культуру народа. Образ фразеологизма создается также живой внутренней формой, которая предполагает образно-ассоциативное восприятие. Но именно символ (квазисимвол), как нам кажется, является «душой» фразеологизма. Почему?

1. Основываясь на образе, символ гораздо богаче его, это своего рода веер смыслов, т. е. богатый и потенциально открытый образ. Вероятно, поэтому В. Н. Телия, анализируя образ и метафору, считала их «“нишами” для кумуляции мировидения» [1, с. 215], которые «занимают промежуточное положение между ментальным и вербальным миром» [6, с. 32]. Если метафора – способ представления нового знания, способ объяснения мира, то символ делает видимыми и узнаваемыми представленные в метафоре идеи, из символов состоит культура. 2. Символ (и квазисимвол) сложен, только он способен выразить невыразимую составляющую культуры. А. Блок тоже считал, что символ должен быть темен в своей последней глубине, вероятно, именно этой темнотой он особенно воздействует на человека. 3. Символ имеет более высокий семиотический статус, чем образ. Это связано с тем, что символ чаще интерпретируется в терминах культуры (сравн.: **рука** – символ власти и символ помощи в русской культуре: *из первых рук, быть правой рукой, иметь свою руку, держать в руках* (быть

в подчинении), *взять в руки* (заставить подчиняться), *прибрать к рукам* (полностью подчинить), *попасть в руки, лапы* (оказаться во власти кого-то), отбиться от рук (выйти из подчинения) а также символ наказания – *рука не дрогнет, руки чешутся, поднимать руку*. Оценку в этих фразеологических единицах нужно трактовать в зависимости от Я-ТЫ-ОН-грамматики (Э. Бенвенист): *держать в руках, взять в руки* – позитивная оценка с позиции Я, говорящего, субъекта. *Отбиться от рук* – отрицательная оценка с позиции Я-грамматики. *Попасть в руки, лапы* – отрицательная оценка с позиции Он-грамматики, субъекта, с которым производят действие. *Жизнь – полная чаша* – это символ, который объясняет целый ряд единиц языка: *испить чашу жизни, жизнь кипит, брызжет, переливается через край*.

Символ более важен также и для самой культуры, он является базисным термином философии культуры, исходной для которой становится понимание человека как Homo symbolicum. При этом, как считают философы, «символичность и реальность не противопоставлены друг к другу, а составляют одно живое двуединство» [7, с. 279]. Французский лингвист Э. Бенвенист вторит ему: как универсальная семиотическая матрица, моделирующая структура [8, с. 87] язык совмещает в себе знаковое и символическое. Следовательно, и в языке заложено символическое. Один из основоположников символизма в русском искусстве Вячеслав Иванов писал: «Подобно солнечному лучу, символ пронизывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждой сфере иное назначение» [9, с. 29].

Каковы же механизмы встраивания символа во фразеологизм? В нем материальной формой символа (квасисимвола) является слово, звук, образ, метафора: *тянуть волюнку, играть в бирюльки* в значении ‘заниматься несущественным делом’. *Бить по карману* – метафора в значении ‘наносить материальный ущерб’. Во фразеологизме символ возрождается в относительно новом качестве, зачастую теряя все семантические связи со своими прообразами – волюнка, карман и др.

Символ – высшая форма знания, и потому он предельно абстрактен, условен, размыт. Так, якорь в разных фразеологизмах предстает различными значениями: *бросить якорь* – символизирует остановку, *стоять на якоре* – устойчивость. В основе формирования символа здесь лежит функция якоря. Это сравнительно простой символ, содержание его во фразеологизмах вытекает из назначения якоря. Несколько сложнее символ рубашки: *последнюю рубашку снять* – символ бедности; *родиться в рубашке* – быть защищенным, счастливым; *своя рубашка ближе к телу* – символизирует близкое, родное по крови или духу. То, что в современном языке стало символом, ранее им не являлось, а непосредственно манифестировало заключенные в нем смыслы, которые через метафору, метонимию, образ сформировали символ.

Есть более сложные символы: *крест* – это символ жертвенности (*нести свой крест*); соединение земли и неба, духовной высоты, т. е. неба (вертикаль) и земли, т. е. материального мира – горизонталь (*между небом и землей*); крест во время молитвы – наше согласие с Христом, т. е. символ веры Христовой (*креста на нем нет*) и т. д. Вероятно, не следует искать наиболее точный смысл символа, надо сосредоточить внимание на доступных для восприятия и понимания узуальных значениях и на узловых точках корреляции значений в символе. Например, *голубь* – это символ Святого Духа, символ мира, но и символ потустороннего мира (у М. Цветаевой в «Переулочках» такие голуби *воронье*). Таким образом, важнейшее свойство символов – их имманентная многозначность, диффузность, расплывчатость границ.

Можно выделить целый ряд признаков символа: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов.

В разные эпохи и в различных обстоятельствах одни и те же символы имеют разные значения. Первоначально слово *язычник* означало сельского лесного жителя, который поклонялся силам природы. Сравн. лат. *pagani* – «обитатели сельской местности». Сейчас *язычник* стал синонимом «злодей, поклоняющийся дьяволу». Трезубец Посейдона трансформировался в вилы дьявола, остроконечный колпак мудреца – в головной убор ведьмы.

Символ – носитель культурной коннотации, закрепляющий ее во фразеологизме. Рассмотрим один из примеров подробнее: *одним миром мазаны* – фразеологизм чаще используется с негативной коннотацией; объяснить ее без культурных знаний практически невозможно, потому что таинство миропомазания в христианстве – великое позитивное таинство, а негативная оценка появляется лишь в речи иноверцев или атеистов, но постепенно их становится все больше, и коннотация закрепляется в языке. Как видим, в символе «работает» синкретический подход, при котором языковые и культурные смыслы переплетены.

Современные фразеологи, с моей точки зрения, допускают некоторые отклонения в поиске механизмов формирования и функционирования фразеологических единиц. Чаще всего это касается глагольных фразеологизмов, потому что глагол, будучи важнейшей категорией в языке, во фразеологии уступает свое первенство слову-символу: например, *брать горлом* («добиваться чего-либо криком»), *брать грудью* («побеждать сильным напором»), *брать за душу* («волновать»). Названные фразеологизмы будто бы сходны на уровне поверхностного смысла, так как общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы формируются вокруг зависимых слов-символов при участии культуры, обозначают разные сферы: физических действий (*брать грудью*), эмоциональных состояний (*брать за душу*) и т. д. Становится понятным, что современная лингвистика должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов, а не поверхностным бухгалтерским учетом грамматических или фонетических характеристик в количественном исчислении. Как известно, количественные показатели не релевантны в языке.

Заключение. Вся когнитивную (познавательную) деятельность человека можно рассматривать как дающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: фразеологизмы помогают многое понять здесь. Вскрытие механизмов формирования образно-символьной картины мира во фразеологии поможет лучше понять когнитивную деятельность языковой личности. Приведенные рассуждения очерчивают направление для дальнейшего развития концепции образа и символа во фразеологизмах. С одной стороны, эти знания прольют свет на лингвокультурное представление ментального мира языковой личности. С другой, они важны для самой фразеологии, так как при этом раскрываются механизмы фразеологической образности, символичности, роли метафоры, лежащих в основе возникновения фразеологических единиц, мотивов и направлений переноса значений и смыслов. В пользу традиционной фразеологии отметим, что некоторые частные проблемы, вытекающие из сказанного, помогут решить и количественные подходы, например, выяснить мотивы переноса. Навскидку с помощью Большого фразеологического словаря удастся установить, что ведущие мотивы переноса значений во фразеологизм идут от сходства содержания, образа действия, цели и результата действия, а также сходства функций (*содрать шкуру, спать и видеть* и др.).

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – М. : «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн : «Александра», 1992. – 247 с.
3. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.

4. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – С. 13–24.
5. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 781 с.
6. Токарев, Г. В. Лингвокультурный символярный: квазисимволы: монография / Г. В. Токарев. – Тула : ТППО, 2021. – 113 с.
7. Флоренский, П. Философия культа / П. Флоренский. – М. : Издательство «Мысль», 2004. – 685 с.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1987. – 447 с.
9. Иванов, Вяч. Две стихии в современном символизме // Вяч. Иванов. Собрание сочинений. Т. II / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1974. – С. 536–561.

Abstract. The article shows that the “soul”, the basis of the phraseological unit, on which both the cultural connotation and the image of the phraseological unit and other components of the model proposed by V. N. Teliya, is a quasi-character. Identification of the mechanisms of formation of the figurative-symbolic component will help to better understand the cognitive activity of a linguistic personality.

Keywords: phraseological unit, image, metaphor, symbol, quasi-symbol.

УДК 811.161.1'42'371:398.92:392.42

О. Н. Мельникова

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА ХУЛА И ХВАЛА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивого словесного комплекса *хула и хвала*, построенного на основе антонимии (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка). Предполагается, что функционирование данной фразеологической единицы связано с особенностями семантики и внутренней формы ее ключевых компонентов.

Ключевые слова: фразеологизм, сочетаемость, лексема, этимология, семантика, внутренняя форма.

Любое наименование в языке является результатом опыта, поскольку ему предшествует познавательная деятельность человека. Результаты этой познавательной деятельности, экстралингвистические мотивы переосмысления наиболее наглядно представлены в образной составляющей фразеологических единиц. В ряде случаев функционирование фразеологизма обусловлено особенностями семантики и внутренней формы его ключевых компонентов.

Объектом рассмотрения в данной статье является устойчивый словесный комплекс *хула и хвала*, построенный на основе антонимичных отношений. Лексема *хвала* сопровождается стилистической пометой «высокое» и определяется как ‘высокая похвала’: *Хвала герою! Воздавать хвалу кому-, чему-нибудь* [1, с. 747]. Лексическое значение лексемы *хула*, сопровождающейся пометой «старое», определяется следующим образом: ‘то, что порочит кого-, что-нибудь, осуждение, порицание’: *Изрыгать хулу. Произносить хулу* [1, с. 756]. Устойчивость рассматриваемого словесного комплекса базируется не только на антонимических отношениях, заданных семантической структурой языка, но и на фонетическом параллелизме, созвучии этих двух компонентов. В различных контекстах лексемы *хвала* и *хула* регулярно противопоставляются, сравн.: *От других мне хвала – что зола, От тебя и хула – похвала* (А. Ахматова); *Лучше умная хула, чем дурацкая хвала*. В словаре антонимов фиксируется не только антонимичная пара *хвала – хула*, но и пары однокоренных лексем: *хвалить – хулить, хвалитель – хулитель* [2].

О противоположности семантики рассматриваемых лексем и их производных свидетельствуют также данные толковых словарей.